

Иные хозяйственники
вместо оперативного, жи-
вого руководства увле-
каются составлением
пышных отчетов.

(Из газет).

ДОВОДИТ ДО БЛЕСКА!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

КРОКОДИЛ

№ 10 (1732) • ГОД ИЗДАНИЯ 42-й • 10 АПРЕЛЯ 1964

ВАКАНТНОЕ МЕСТО

В Горно-Алтайске я чуть было не занялся научной работой. Причем случайно.

Пошел в областную библиотеку. Дай, думаю, возьму какую-нибудь книжку почитать. А попал в научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Они рядом находятся, в одном доме. Только двери разные.

Пришел, вижу: на стенах портреты писателей развешаны. И таблички на дверях: «Сектор языка», «Сектор литературы».

А где ж, думаю, тут книжки выдают? Стал справки наводить. Вижу, сидят по кабинетам люди. Народ серьезный, деловой. Научные труды пишут. А кто-нибудь, может, и диссертацию.

Собрался уходить, а тут как раз открывается самая главная дверь, и выходит директор Таисия Макаровна Тащаква. Посмотрела так сердито вокруг и говорит:

— Позвать самого большого бездельника!

Только всего и сказала. А потом повернулась и ушла обратно.

Ну, секретарша, конечно, бросилась выполнять приказание. Только у порога малость притормозила и задумалась.

— Не пойму, — говорит она уборщице, — кого вызывает Таисия Макаровна?

— А тут, милая, и думать нечего, — отвечает уборщица. — Зови кого-нибудь из сектора истории. Можно сказать, самый важный сектор, а опубликовал всего два печатных листа. Да за двенадцать-то лет можно

всеобщую историю написать, не то что Горного Алтая!

— Позову-ка я Сатлаева, — сказала секретарша. — Работает он в этом секторе два года и еще ни одной научной строчки не опубликовал. Сатла-а-ев!

Через две минуты заходит Сатлаев. Очень такой энергичный молодой человек. Узнал, в чем дело, заулыбался.

— Это не меня, — говорит. — Я еще и не успел как следует раскачаться. По-моему, это нашего старшего научного сотрудника Пахаева. Вот он действительно работает семь лет, и еще не было года, чтобы выполнил план научных работ.

— В самом деле, Пахаев с 1959 года все пишет одну и ту же научную работу — «Партизанское движение в Горном Алтае», — задумчиво сказала секретарша. — Из года в год ее ставят в план, а она до сих пор не издана.

Старший научный сотрудник Пахаев незамедлительно явился в канцелярию.

— Ко мне это не относится, — сказал он. — Во-первых, задержка с выпуском «Партизанского движения» является следствием моей добросовестности, а никак не безделья. Разве я могу взять ответственность полностью на себя? Мне хочется проконсультироваться со специалистами. Вот они меня и задерживают. А во-вторых, призыв директора вообще относится не к сектору истории, а, видимо, к сектору языка.

— Попробуй-ка, милая, пригласить из сектора языка Чунжекову, — сказала уборщица. — Ей по норме полагается публиковать в год по три печатных листа. А она с 1960 года издала работу в «Ученых записках» всего в один печатный лист. А где еще восемь? Наверное, ее зовут!

Пришла грациозная Чунжекова и тут же объяснила причины своего отставания.

— Я молодой, растущий ученый, — сказала она, — и должность моя называется «младший научный сотрудник», так что это у меня вполне естественно: болезнь роста. И, кроме того, разве можно сравнивать мелкие недочеты в моей работе с тем, как у нас составляют алтайско-русский словарь?

Эту историю здесь, наверно, знали все, потому что смеялись уж очень заразительно и долго. Я за компанию тоже вместе с ними поохотал, хотя и не знал, в чем дело. А потом узнал.

Оказывается, этот словарь задумали издать в давние времена, еще когда только образовывался научно-исследовательский институт. Как водится, поклялись выпустить словарь незамедлительно, в 1955 году. В срок не выпустили. С тех пор словарь каждый год записывают в новый план.

— Кучигашеву! — закричали все хором. — Надо пригласить к директору старшего научного сотрудника Кучигашеву.

Пошла секретарша в сектор языка, но в последний момент одолели ее сомнения.

— Вряд ли зовут ее, — сказала секретарша. — Ведь словарь Кучигашева готовила к выпуску вместе с директором товарищем Тащаквой. Неужели она будет вызывать ее так? Виноваты-то обе. Наверное, приглашали старшего научного сотрудника сектора литературы Тюхтеневу. Кто до сих пор не защитил кандидатскую диссертацию? Тюхтенев! Кто виноват, что не создана монография по истории алтайской литературы? Тюхтенев! Значит, его и вызывают.

Пошла секретарша искать Тюхтеневу, но оказалось, что он только что уехал в Томск сдавать кандидатский минимум.

А больше в штатном расписании научных сотрудников не оказалось.

И тогда все сотрудники стали ужасно горевать. Мне даже их жалко стало.

— Плохо, — спрашиваю, — у вас дела?

Оказывается, действительно плохо. Сотрудники просят:

— Может, вы займете у нас должность самого большого бездельника? Поскольку, как выяснилось, такового у нас сейчас нет, налицо вакансия.

— Отчего ж, — говорю. — С удовольствием. Скажите, что делать.

— Делать, — отвечают, — как вы сами понимаете, ничего не придется.

— А за что отвечать? — Вот отвечать придется за многое. Записывайте:

а) За то, что институт со дня образования ежегодно не выполняет план научно-исследовательских работ.

б) За то, что только за последние три года из 24 тем не выполнено 13.

в) За то, что темы мелкие и планируются случайно.

г) За то, что запланированные работы систематически заменяются и переносятся на будущие годы.

д) А также за все остальное и непредвиденное.

Почесал я затылок.

— Ладно, — говорю. — Была не была, оформляйте. И я сразу же пойду по вызову Таисии Макаровны. Отвечать так отвечать!

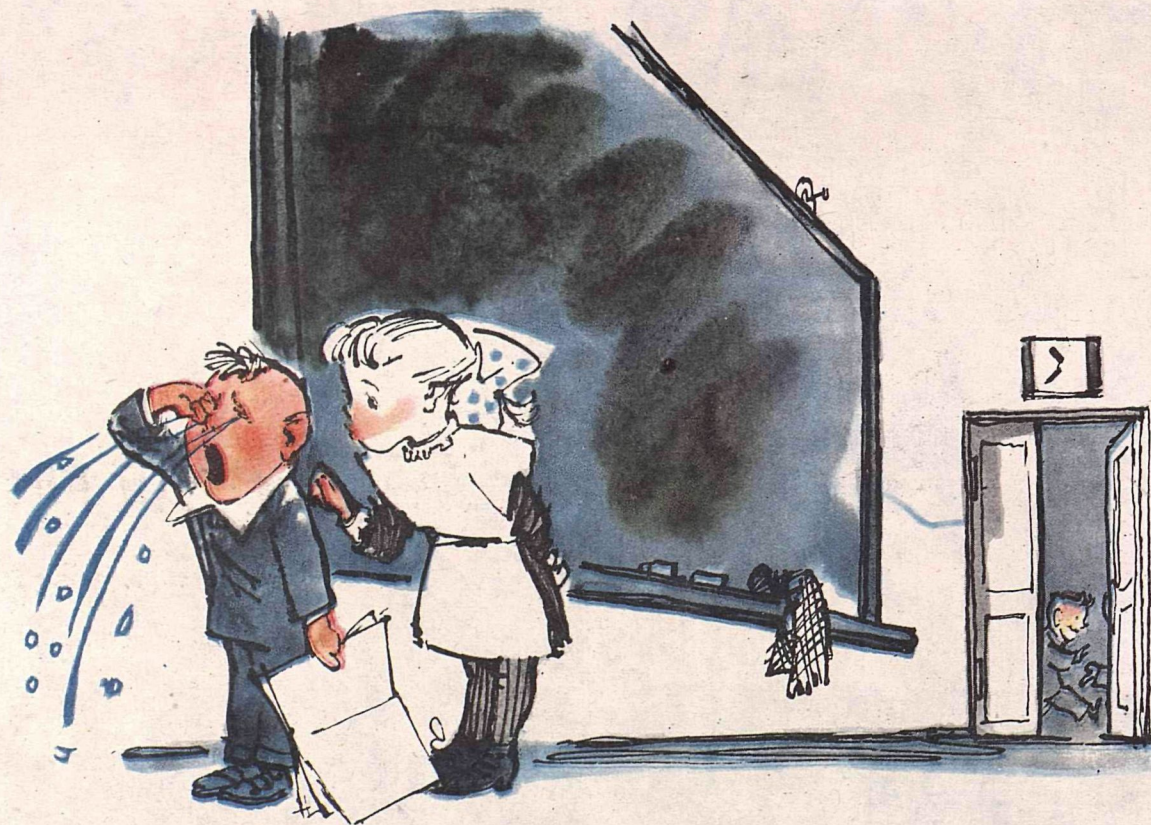
А тут как раз выходит сама директор Тащаква. Улыбается.

— Ко мне, — говорит, — никого звать уже не надо. У меня, видите ли, карандашники затупились, и я хотела, чтобы их кто-нибудь заточил. А теперь я обошлась: писать-то мне сегодня нечего. А вы продолжайте трудиться над своими научными проблемами.

И все стали расходиться по своим рабочим местам, улыбаясь и говоря друг другу комплименты.

Я тоже пошел домой. Потому что вижу, моя кандидатура вдруг оказалась без надобности.

Так и ушел. А жаль, конечно. Может, глядишь, и я бы сейчас был при деле: затачивал начальству карандашники.

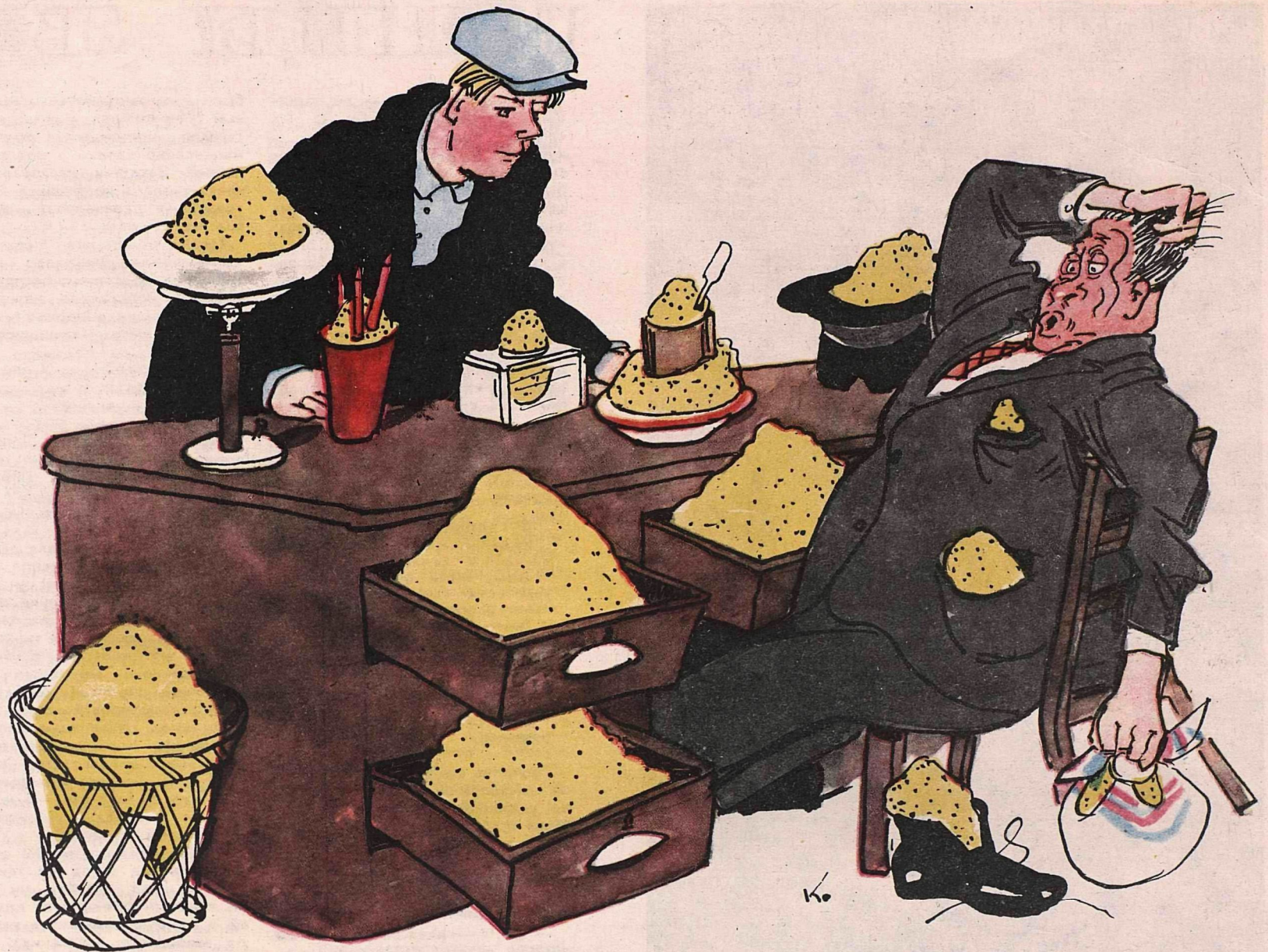
— Ты что плачешь?

— Двойку получил. Учителя жалко: теперь ему попадет от директора!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

А. НИКОЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент
Кронодила

Горно-Алтайск — Москва.

— Как у тебя с помещениями для удобрений?
 — Сам видишь.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

СУХОВЕЙ

Есть в Целинограде такое управление — «Крайцелинсельхозтехника». Его работники установили своеобразный рекорд: они выпустили за год около ста тысяч бумаг — директив, приказов, распоряжений, форм. Второе место по бумаготворчеству занимает краевое управление производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов.

В этот раз не на войне,
 На степном пригорке,
 Стало быть, на целине
 Вел беседу Теркин:

— Вот вы прибыли на место,
 В руки технику — и сей...
 А кому из вас известно,
 Что такое суховец?

Ты работаешь без лени,
 Сон и отдых сократив.
 Вдруг тебе из управленья —
 Сразу тыща директив!

— Быть не может. Врешь,
 дружище!

— Что мне врать? Какой
 расчет?
 — Но зачем же сразу — тыща?
 — Хорошо. Пускай пятьсот.

— Ну, пятьсот. Скажи по чести,
 Не пугай, как старых баб.

— Ладно. Что там — триста,
 двести —
 Прочитай одну хотя б...

В ней разносов и вопросов...
 Доберешься ль до конца?
 О заносах, о насосах,
 Росах, осах, плесах, косах,
 Опоросах, перекосах,
 О турусах на колесах,
 О проблеме перебросок
 Выведенного яйца.

«Исходящих» килограммы.
 И «входящих» сотни тонн...
 Телеграммы, почтограммы,
 Радио- и фотограммы,
 Каблотелефонограммы
 Шлют начальники и замы
 Нам с тобой со всех сторон.
 Сколько их? Куда их гонят?
 И зачем их нам суют?

Дело ль нужное хоронят?
 Чушь за дело ль выдают?
 Суховец метет бумажный
 По весне на целине...
 Лучше бы начальник важный
 Сам наведался ко мне.

Нет. Когда курьеза ради
 И всего на пять минут
 Покидает этот дядя
 Кабинетный свой уют,
 Так уже в Целинограде
 «Расставание» поют.

Суховец — он землю сушит
 И лишает хлеб кровей.
 А бумажный — сушит души,
 Он природного похуже,
 Это главный суховец!

...Ночь глуха, земля сыра:
 Набралась влаги.
 Целину спасать пора
 От сухой бумаги,
 От рассылки, от разноски
 По конторам и назад...

Да простит нам А. Твардовский
 Этот малый плагиат.

Борис СИБИРЯКОВ,
 специальный корреспондент
 Кронидила

г. Целиноград.

— Отвезите технику в колхозы, пусть приступают к работе!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Снабженцам-толкачам не посвящают восторженных од. О них слагают ядовитые памфлеты и куплеты. В них мечут сатирические стрелы и гарпуны. Толкачей бьют. Безжалостно. По ним выпущено столько сногшибательных зарядов, что им пора бы исчезнуть с лица земли. И, может быть, в краеведческих музеях следовало бы выставить восковые фигуры толкачей...

Но вот на днях в нашу редакцию попало письмо ленинградца Ивана Федоровича Шибова. Гражданин Шибов размножил под копиру и разослал по многим предприятиям страны бумагу следующего содержания:

«СОХРАНИТЕ
на случай возникновения необходимости в живой связи с Ленинградом.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ УСЛУГ

Нижепоименованный, проживающий в Ленинграде, по указанному ниже адресу, в целях содействия живой связи между ленинградскими предприятиями и Вами в вопросах, связанных с выполнением тех или иных заданий и потребностей народного хозяйства, предлагает свои услуги по всем вопросам, интересующим Вас.

Делайте запросы, давайте поручения!»

Прочитав это воззвание, я срочно выехал в Ленинград и явился по указанному в письме адресу. Меня встретил высокий человек в пижамах.

— Вы будете гражданин Шибов? — спросил я и злорадно подумал: «Вот он, последний из могикан!»

— Да, я, — глядя на меня ясным взором, ответил Иван Федорович.

— Так-с! Значит, толкачеством хотите заняться?

— Попрошу без оскорблений! — повысил голос Шибов. — Я не толкач, а корреспондент. Точнее, внештатный корреспондент для связи с ленинградскими заводами.

— Невелика разница.

— Может быть. Но, как бы мы ни назывались, они без нас обойтись не могут.

— Кто они?

— Заказчики... Вы в какой гостинице остановились? В «Ленинградской»? Так вот, поинтересуйтесь, сколько там живет командированных. Тысячи и десятки тысяч рублей летят на ветер. А мне большого вознаграждения не нужно. Время-то все равно девать некуда. Я ведь пенсионер...

На другой день, приглядевшись к обитателям гостиницы, я убедился, что Шибов был прав: меня окружали толкачи.

— Это еще что, — заметила горничная, — сейчас начало месяца. Вы бы заглянули к нам в конце, когда у них эта самая штурмовщина. Ох, и нагонят их сюда, сердешных, ну просто класть негде. В вестибюлях спят. Один тут у нас, Бараковский из Каспийска, целый год живет. Так ему не везет, так не везет — все не может какие-то крышки получить... Да вы сами побегайте с ними вместе — узнаете, почем фунт лиха...

И я последовал этому совету. На Балтийском заводе мне повстречался представитель одного из казахстанских заводов Магомет Джамаев. Балтийцы должны

были изготовить литье. Назначенный срок прошел, а литье не поступало. Восток слал телеграммы — север словно в рот туману набрал. Заказчик жаловался на неаккуратного поставщика Ленинградскому совнархозу — совнархоз не отвечал.

Тогда на берега Невы был командирован Джамаев.

В производственно-распределительном бюро цеха на диване дремали люди в черных халатах.

— Разрешите... — заикнулся Джамаев.

— Не разрешаем. У нас обеденный перерыв.

— Долго еще?

— Три минуты.

Через три минуты Джамаеву предложили посидеть на диване, потому что начальник ПРБ еще обедает.

Через полчаса начальник сообщил:

— Кажется, что-то для вас уже сделано. Узнайте в отделе сбыта.

— Ходят тут всякие! — недовольно буркнул работник отдела сбыта. — В нарушение постановления о толкачах. Вот как турнем вас отсюда в соответствии с этим постановлением! Не видите, что обеденный перерыв? Сходите пока в производственный отдел.

Не успел посланец солнечного Казахстана пересечь заводской двор, как в производственном отделе тоже начался перерыв. Откуда ему было знать, что на Балтийском заводе обедают по скользящему графику?

Но Джамаев все же не сдался. Он ходил на завод до тех пор, пока выучил наизубок не только тонкости обеденного графика, но и каждую извилину в характере заводского начальника. И наконец протолкнул заказ.

На заводе резинотехнических изделий я увидел молодого человека из Златоуста с авоськой в руке. Эту тару он приготовил не для булок, а для резины.

Есть в снабженческом деле такие термины — «транзитная норма» и «мелкая партия». Транзитная норма — это норма груза, меньше которой один завод не имеет права отправить другому. А мелкая партия — это меньше транзитной нормы, и, значит, заказчику надо брать ее у поставщика самому. Златоустовцам потребовалось пять килограммов резины, вот они и прислали за две тысячи километров своего представителя. И не по собственной инициативе, а после того, как получили из Ленинграда письмо:

«На Ваш №... сообщаем, что отгрузить 5 кг резины не имеем возможности, так как является не транзитной нормой отгрузки.

И. о. начальника
производственного отдела
завода РТИ В. МЕКШ».

Но здесь уральца встретили, будто он с неба свалился.

— Нет у нас никакой резины,— сказали ему.

— Но вот ваша бумажка.

— Оставьте заявку и летите к себе домой. Мы вам сообщим, когда будет резина.

И уралец, сунув авоську в карман, лег на обратный курс.

Один день я провел в обществе начальника снабжения Лужского литейно-механического завода Г. М. Хайкина. На опекаемом им заводе сломалась мешалка абразивного производства, из-за отсутствия цемента остановился литейный цех, иссякли запасы алюминиевых чушек для посуды.

Запасшись соответствующими заявками, я и Хайкин двинулись на шторм отдела снабжения и сбыта Управления товаров бытового назначения Ленинградского совнархоза. Сперва мы пошли за цементом.

— Что у вас тут написано, цемент?— посасывая конфетку, спросил инженер по стройматериалам.— Цемента у меня нет. Зайдите через пару деньков, может, где-нибудь раздобуду.

Не теряя времени, мы ринулись за алюминиевыми чушками.

— Какие чушки?— сурово взглянул на нас начальник отдела Финкельштейн.— Не полагается вам чушек.

— А из чего сковородки прикажете лить, из цемента? Так его нам тоже не дают.

— Хотя из воздуха.

— Но у нас план! Производство! Люди!

— Хорошо, зайдите через пару деньков.

— Давайте тогда хотя бы бронзу, чтобы отремонтировать мешалку.

— Получите сперва разрешение у начальника производства Андреева.

— Вы что, не знаете, что вместо бронзы давно уже применяется ковкий чугун?— начал с техминимума Андреев.

— Ладно, давайте чугун,— согласились мы.

— Чугуна у меня нет. Берите уж лучше бронзу.

С резолюцией Андреева мы возвратились к Финкельштейну.

— Вам что, бронзу?— оторопел он.— Нет ее у нас.

— Но вы же сами посылали нас к Андрееву.

— Ах, да... вы те самые. Тогда идите к инженеру Сергеевой.

— Нет у меня бронзы,— осадила нас Сергеева.— Идите к Галине Васильевне.

Галина Васильевна отставила в сторону чашку кофе, посмотрела нашу заявку на свет и торжественно выписала наряд на получение бронзы с кузнечно-механического завода.

Наняв такси, мы помчались на кузнечный завод. Но бронзы не получили по той простой причине, что она требовалась заводу самому.

Так Г. М. Хайкин зашел в тупик— возвращаться на завод с пустыми руками было страшно. Там директор, партбюро, завком... Могут всыпать за необеспечение плана. На следующее утро он снова двинулся на шторм снабженческих твердынь и ходил туда до тех пор, пока не попался на глаза фельетонисту из «Ленинградской правды», охотившемуся за толкачами. И фельетонист расписал Хайкина, не жалея красок.

Перед тем, как покинуть берега Невы, я заглянул на улицу Бродского, в ленинградскую контору «Главчерметснаббита». На лестничной площадке перед дверями конторы стояли трое юношей. Одному из них до зарезу нужны были швеллеры, второму— уголок, третьему— катанка. Контора означенным сортаментом металла не располагала, и юноши от нечего делать покуривали.

Неожиданно к ним подошел человек с портфелем и сиплым голосом проговорил:

— Меняю швеллеры на трубы сто сорок пять, сто сорок девять. Кому швеллеры?

— Мне,— спохватился первый юноша.

— А трубы сто сорок пять, сто сорок девять у тебя есть?

— Есть.

— Тогда по рукам!

Затем на лестнице появился какой-то дядя в дубленом полушубке и рявкнул:

— Кому уголок семьдесят пятый и сотый?

— Мне,— восторженно вскрикнул второй юноша.

— А калибровка двенадцать миллиметров у тебя есть?

— Вроде должна быть.

— Махнем!

Вскоре достал нужную ему катанку и третий юноша. Он выменял ее на балки у какой-то дамы с черно-бурой лисой...

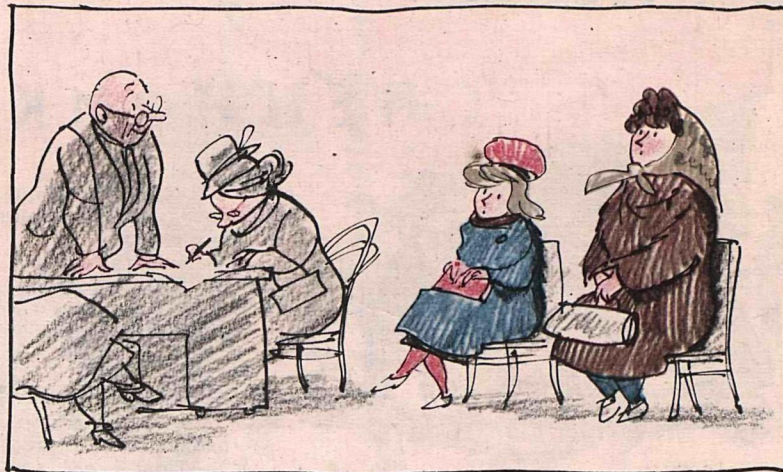
Откуда у юношей взялись эти «обменные фонды»? Конечно же, не бабушка в наследство оставила. Юноши— работники отделов снабжения ленинградских заводов. Этим заводам когда-то нужен был именно такой металл. Но затем план изменился, и заводам понадобился другой сортамент. А так как никаких легальных способов оперативного обмена между предприятиями нет, и возник этот «черный рынок», именуемый в ленинградских деловых кругах «баракхолкой» на улице Бродского.

И я подумал: а может быть, и впрямь нельзя обойтись без толкачей? И если так, то почему бы в самом деле не вовлечь в эту компанию Шибова и других пенсионеров-энтузиастов? Тем более что солидного вознаграждения они не требуют.

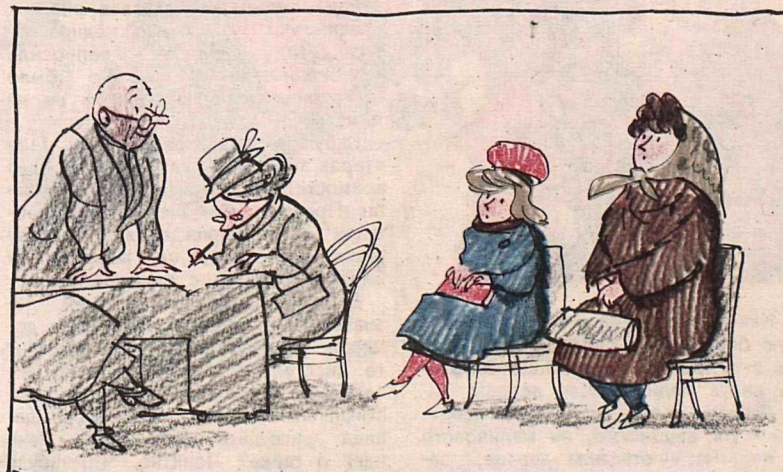
А ежели говорить всерьез, то незачем пенсионеров беспокоить. Нужно только, чтобы все обязательства были выполнены в срок да государственная дисциплина строго соблюдалась. Тогда и толкачи не понадобятся.

А. ГОЛУБ,
специальный корреспондент
Крокодила

г. Ленинград.

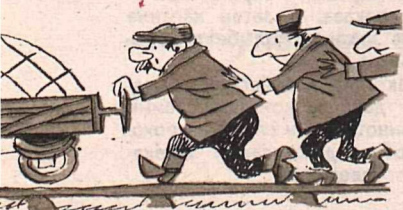

Председатель.— Расскажите спокойно, как было дело!

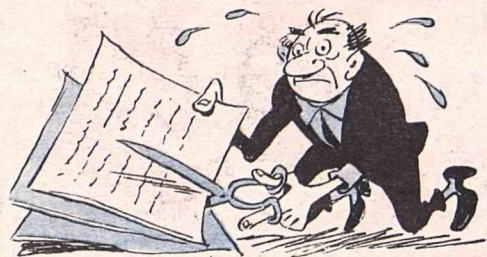

— Теперь суду все ясно!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

СПЕЦИФИКА ЭСТРАДЫ

После того, как одна газета опубликовала мой фельетон о тунеядце, раздался телефонный звонок:

— Скажите, вы автор прелестного фельетона «Тунеядец»?

Пришлось ответить, что автор действительно я, хотя фельетон так себе. Обыкновенный.

— Пожалуйста, не скромничайте,— продолжал женский голос.— Все вы, авторы, ужасные задаваки!

Я почувствовал себя неловко и спросил, с кем я имею удовольствие беседовать.

— Говорят из горэстрады. Нас очень заинтересовал ваш фельетон.

До сих пор к моим скромным произведениям проявляли интерес милиция, прокуратура, суд, иногда читатели. А тут вдруг горэстрада. С чего бы это?

Разъяснение последовало незамедлительно: — Из этого фельетона может получиться недурной эстрадный номер. При известных условиях, конечно.

Я, разумеется, заинтересовался, что же это за условия, и в телефонной трубке послышался серебристый смех.

— Вот видите, я вас уже заинтриговала. Разрешите заехать к вам в редакцию вместе с Павлом Ивановичем и все объяснить.

И вот они уже в редакции — моя недавняя собеседница, сотрудница литчасти горэстрады Элла Федоровна, и старый эстрадный актер Павел Иванович. У него нездоровый цвет лица человека, редко бывающего на свежем воздухе, прокуренные усы и такие же прокуренные желтые пальцы. В отличие от него Элла Федоровна дышет здоровьем. Она кокетливо поправляет прическу и одергивает пуши-

стый свитер, используя в качестве зеркала толстые стекла стоящего за моей спиной книжного шкафа.

— Видите ли, дорогой автор,— начала Элла Федоровна,— у эстрады есть своя специфика. То, что хорошо в литературном произведении, может оказаться губительным для эстрадного искусства. И наоборот. Когда вы пишете эстрадный номер, то должны заботиться только об одном — чередовании ударов. Это как в музыке: «Та-та-там! Та-та-там!» Я правильно говорю, Павел Иванович?

— Правильно, дорогуша,— ответил тот, прочищая мундштук.

— Вот мы и хотели, товарищ автор, чтобы вы еще раз просмотрели свой фельетон с этой точки зрения и правильно расставили акценты. Согласны?

Я согласился, хотя то, чего от меня требовали, представляло довольно смутно.

— Теперь еще вот что,— продолжала Элла Федоровна.— У вас в фельетоне тунеядец при виде лопаты бежит со всех ног, опасаясь, что его заставят работать. Это место придется опустить. Тунеядец с лопатой — это уже цирк. А там, где начинается цирк, кончается эстрада. И наоборот. Павел Иванович может подтвердить.

— Безусловно, безусловно, дорогуша,— торпливо подтвердил Павел Иванович. Он никак не мог очистить мундштук от накопившейся в нем копоты.

— Подумайте также о каламбурах. Они у вас есть, но все ли стреляют в цель? Помнится, спекулянтов, которые торгуют на шоссе цветами, яблоками и ягодами, вы называете подорожниками. А подорожник — это целебное лекарственное растение. Простите, может быть, я сейчас буду говорить рыбу, но не лучше ли назвать их поганками?

Позже я выяснил, что «говорить рыбу» на языке эстрадников означает «молоть чепуху». Но тогда, впервые услышав это выражение от Эллы Федоровны, я удивился.

— Не отчаивайтесь, дорогой автор,— утешила меня Элла Федоровна.— Вы пока новичок на эстраде, и многое вас будет удивлять. Но со временем это пройдет.

Наша беседа продолжалась добрых два часа. Следующая встреча произошла через не-

делю. Перед этим я просидел два вечера и полностью перекроил свой фельетон, стараясь выполнить все пожелания Эллы Федоровны.

— Ну что ж, мальчишки,— сказала она, прочитав новый вариант.— Мы на верном пути. Сейчас фельетон стал значительно лучше.

Некоторая фамильярность ее тона меня покорила, но похвала откровенно обрадовала. Однако едва успел я зардеться нежным румянцем, как последовало отрезвляющее уточнение:

— Да, фельетон стал лучше, но его нужно обязательно обрепризить. Реприза — это выстрел в зрителя. Либо вы стреляете в зрителя и покоряете его, либо все происходит наоборот. Вообще эстрада без репризы — все равно, что женщина без изюминки. Вы, мужчины, это прекрасно понимаете.

Элла Федоровна снова залилась серебристым смехом и тут же сформулировала добрый десяток добрых пожеланий и советов на тему о том, как сделать, чтобы мой фельетон отвечал всем основным требованиям и законам эстрадного жанра.

Мы встречались еще несколько раз. Павел Иванович по-прежнему возился со своим мундштуком, а молча делал пометки на полях рукописи. А Элла Федоровна все говорила и говорила... И мне все чаще казалось, что она «говорит рыбу».

Наконец силы мои иссякли, и я сообщил в горэстраду, что уезжаю в длительную командировку. Возникшее благодаря энтузиазму Эллы Федоровны жгучее желание стать эстрадным автором как-то само по себе угасло.

Последний раз я встретился с Эллою Федоровной совсем недавно, на вечере, посвященном творчеству А. П. Чехова. После вступительного слова эстрадных артисты с успехом читали чеховские рассказы.

— Какой же все-таки Чехов замечательный юморист! — не удержавшись, воскликнул я.

— Пожалуй,— подумав, подтвердила Элла Федоровна.— Однако если бы Антон Павлович лучше разобрался в специфике эстрады и обрепризил свои рассказы, то... Как вы думаете, Павел Иванович?

Я не стал дожидаться ответа и поспешил распрощаться.

М. СЕМЕНОВ

Ба! Старая знакомая!

Как-то раз зашел я в нашу районную библиотеку. Библиотекарша была в отпуске. Ее временно заменяла некая медноволосая девица.

— Мне нужен «Вишневый сад».

— Ни вишневого, ни малинового у нас нет,— ответила девица, заглядывая в зеркальце.— И вообще ничего по садоводству. Кошмар!

— А «Волки и овцы»?

— По животноводству есть только одна брошюра о повышении удоя.

— А «Что делать?».

— Что хотите, то и делайте,— вежливо улыбаясь, сказала она.

Вскоре я узнал, что медноволосую девицу деликатно попросили из библиотеки. И можно было бы окончательно вычеркнуть ее из памяти.

Вдруг неожиданная встреча. Моя старая знакомая, оказывается, уютно примостилась в конторе кинопроката. Просматривая некоторые аннотации этого учреждения, я сразу узнал ее стиль, ее манеру, ее близкое родство с невежеством.

Есть очень хороший детский познавательный фильм «Как гайка догоняла грузовик». Он сделан по книге писателя Дорохова. Живой, веселый, с детской песенкой на радостный мотив. Но медноволосая девица рассудила по-другому. Речь идет о гайке? Понятно. Что-нибудь о металлоломе или тому подобной скуке. Сразу видать, что-то научно-техническое. Так и отметим.

Так и отметила. В результате за целый год этот фильм имел всего несколько дней проката.

Дать волю такому знатоку, и она объявит, что «Конек-горбунок» — это о коневодстве, «Жар-птица» — о птицеводстве, а «Кот в сапогах» — о животноводстве и обувной промышленности. Медноволосая девица распоряжается во многих местах. Видимо, она командует и в хроникальных кинотеатрах. В них иногда показывают второй номер детского киножурнала «Хочу все знать», а на дверях кинотеатров вешают строгий плакат: «Детям до 16 лет смотреть не разрешается».

— Почему?

— Как это «почему»? Вы еще спрашиваете! Что значит — хочу все знать в детском возрасте? Это неприлично...

Было бы ошибкой думать, что анекдотические шалости кинопроката случайны. Нет, не случайно функционирует на этом поприще вышеупомянутая девица. Она чувствует себя здесь как рыба в воде.

Она чувствует себя здесь вольготно, потому что знает, каково отношение многих ее начальников к детским фильмам, особенно к детским познавательным картинам — этой особой области научно-популярного кинематографа. В годовой производственный план студии научно-популярных фильмов включается всего пять — семь названий. «Больше не надо...» Ведь считается, что эти картины слабы в кассовом отношении. Уж слишком дешевы билеты для детей!

Картина появилась на свет. Не надо поздравлений с днем рождения. Кинопрокат не очень рад новородившей. В лучшем случае три — пять дней показа. А затем картина покоится в уютных колыбелях прокатных контор.

Этому активно содействует и медноволосая девица, которая своими меткими аннотациями способна похоронить любое, даже самое увлекательное произведение.

Г. РЫКЛИН

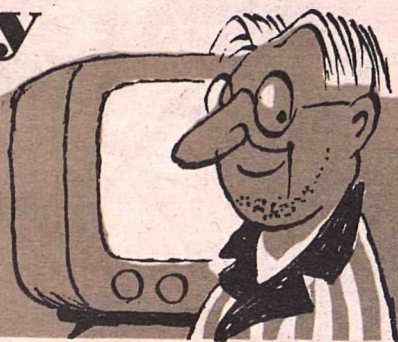

– Вот упорный зритель – вернулся! Теперь из-за него придется доигрывать спектакль!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Б. СУХАРЕВСКИЙ

ПОЧЕМУ Я СИЖУ ДОМА

Вы поймите, я вовсе не хочу оправдываться. Но уж так получается. Знакомые предлагают мне билет в театр — я пугаюсь и придумываю несусветную чушь о больной тетке в Ногинске или о внезапном приезде дяди. Когда я вижу билет на эстрадный концерт, у меня начинаются легкие судороги. Билетов в цирк мне не показывают — тогда происходит самое страшное.

Настало время объяснить. Я расскажу вам, почему я сижу дома.

Все началось с того, что я пошел в цирк и на меня упал рыжий. Я сидел в первом ряду, и рыжий плюхнулся мне прямо на колени. Он повеселился и меня на коленях, подергал меня за нос, разлохматил, потом вытащил у меня из кармана авторучку и с хрустом съел ее. Публика визжала и хлопала. Остаток программы я плохо понял. У меня звенело в ушах, и мысли все время возвращались к погибшей авторучке. Дома я долго считал с костюма муку, которой был обсыпан рыжий. Костюм до сих пор в белых разводах. Назавтра, надев новый костюм, я снова пошел в цирк. Мне хотелось

досмотреть программу. Я снова сел в первый ряд (дело в том, что я близорук и всегда ношу очки). Программа началась спокойно. Эквилибристи вертели под куполом цирка. Дюжие молодцы носили друг друга на голове. Я подумал, что таким способом легко проходить через турникеты в метро — за один пятак можно пронести сразу целую акробатическую труппу. Потом вышел иллюзионист. Он раскланялся с публикой, вынул из уха канарейку и завернул ее в платок. Платок исчез. После этого иллюзионист посмотрел на меня. Я почувствовал недоброе. Глаза у него были черные и пронзительные.

Иллюзионист ровным шагом подошел ко мне и запустил руку за пазуху.

— Где гусь? — зашипел он.

— Какой гусь? — испугался я.

— Обыкновенный! Ты что, решил мне номер сорвать? Авторучку, быстро!

— Ее съели, — прошептал я.

— Черт! Гони часы!

Я отдал ему часы, и он торжественно вынул их из платка, каким-то образом снова возникшего в воздухе. Потом он опустил их в боч-

ку с водой, и они пропали.

Больше в этот вечер ничего не случилось, не считая того, что меня укусил дрессированный пудель. Публика снова визжала и хлопала. Когда я пошел в дирекцию объясняться, меня выругали за то, что я сел не на свое место: оказывается, там должна была сидеть таинственная «подсадка» для иллюзиониста. Поведение рыжего и пуделя они объяснили новой модой — так называемым непосредственным общением со зрителем. Так веселее, сообщили они, и зрителю больше нравится. Часы мне обещали прислать по почте — я их еще не получил.

На следующих представлениях ко мне на колени снова садились клоуны — то

рыжие, то белые. Красивые девушки бросали мне цветы и потом забирали обратно. Какой-то человек, угадывавший мысли, полчаса мучил меня дурацкими вопросами. И однажды на меня свалилась телекамера. Смешно было бы из-за этого сердиться и уходить, и я терпеливо досиживал до конца. Но когда

на одном из представлений дрессировщик, захотев пообщаться со зрителем, напустил на меня удава, я понял: в цирк я больше не ходок.

Оправившись, я пошел на концерт. Ничего, утешал я себя, просто цирк не для меня. Наверное, я какой-нибудь особенно нервный.

У меня было прекрасное настроение. Оно было особенно прекрасным потому, что я шел с девушкой. Девушку звали Лариса, у нее были ослепительные глаза первой величины, и я был, конечно, влюблен в нее. Настроение было прекрасным еще и потому, что мы шли на выступление известного артиста. По-моему, это замечательный актер, особенно когда выступает по радио. Почему именно тогда, я сейчас расскажу.

Итак, мы с Ларисой сели и приготовились слушать. Артист вышел и прочитал очень смешной монолог. Потом он посмотрел на меня, показал пальцем и спросил: — Вот ты, ушастый, как твое мнение?

Лариса хихикнула. У меня действительно большие уши — но разве я виноват в этом? Тем более, что раньше Лариса этого не замечала.

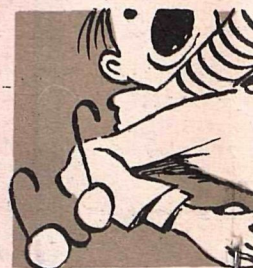
Настроение у меня заметно попортилось. На протяжении концерта артист несколько раз обращался ко мне. Я хотел ответить, но не знал, удобно ли это. Он обвинил меня в том, что я украл какие-то гайки, в том, что я не подписываю каких-то бумаг, много ем, не знаю русского языка и под конец назвал ротозем. Лариса смотрела на меня с презрением.

После этого мы были с ней на нескольких концертах. Конферансье там были не такие талантливые, поэтому, непосредственно общаясь со мной, они просто называли меня дураком. Только один раз мне повезло. Потушили свет, и красивая женщина сошла с эстрады, про-

тянула ко мне руки и пела:

Если я тебя придустань таким, как я!

Мне это понравилось, я не очень представляю, каким именно я стану. Однако это с

понравилось Ларисе отодвинулась от меня в конце вечера молчаливо, указывая на мимически воскликнув:

— Вы думаете, я знаю? Ошибаетесь, человек!

И дальше он сказал прыщ, который по жизни, срывая цветочек, и призывая девушек остерегаться.

В этот вечер мы с Ларисой поругались, и она меня ушастым. Больше с ней не виделась.

Я перестал ходить в театр. Было грустно, особенно, вспоминая и вообще мне было очень плохо.

Я пошел в театр. Я думал, на меня не будут показывать пальцем, будут обсыпать меня. Там я останусь на свои печальными ми. Я специально купил в последний ряд, с собой морской библиотечный ремне.

В театре шла гражданская война. Дине зала стояла лестница, и какие-то сы карабкались по середине действия и закричали:

— Митяй!

— А-а! — раздался моим ухом. Прямо мной поднялся огром-

Ю. БЛАГОВ

Свободный художник

Добрая судьба меня избавила
От привычки вскакивать чуть свет,
Я живу, придерживаясь правила:
Деньги заработал — и привет!
Смешивая в шумном многолюдии
Отдых с недогрузкой пополам,
Числился я в энской киностудии
Главным консультантом по балам.
Списывал в дальнейшем
на заводе я

Тронутый коррозией металл,
Там же про Кирилла и Мефодия
Нечто вроде лекций прочитал.
Брался за проводку отопления,
Выпустил брошюрку про табак,
Делал ряд проектов оформления
Выставки охотничьих собак.
Рылся в историческом

Щеточкой сметая пыль веков.
Вел в Театре фарса и трагедии
Запись чихов, вздохов и зевков.
Так что мне со штатною работою
Связываться вовсе ни к чему.
Я теперь философом работаю:
Я творю трактаты
на дому!

А. РАСКИН

Эпиграммы

НАЧИНАЮЩЕМУ РЕДАКТОРУ

Вижу, ты не хочешь улыбаться,
Ибо ты не хочешь ошибаться.
Что ж, ты обойдешься без улыбки,
Но не обойдешься без ошибки.

НАЧИНАЮЩЕМУ ПРОЗАИКУ

Изучив таблицу умножения,
Не пиши романы с продолжением.

КЛАССИКА — ЕСТЬ

Гармонист Трофим увидел афишу и стал белым, как жир в колбасе. Он пошел за околицу и забрался в хату с краю.

— Опять прячешься? — спросила бабка.

— Опять, — пожаловался Трофим. — Артисты приехали. А я, может, не артист! — с болью закричал он. — Я трактор у учился, не баяну!

— Ну, нишкни, — успокоила бабка.

— Душа плачет, — поник гармонист. — Ну что за село наши Сростки? Как артистов послушают, так меня начинают ругать. Ты, дескать, самодельный музыкант. Лаборантка — та вовсе заграничным словом оскорбила: суррогатный. А я играю, как умею! Завтра — слышь, бабка? — опять проходу не дадут. Смеяться будут. Хоть на улицу не выходи...

— Трофим! — вдруг прокатилось по улице. — Трошал!

Слушали — постановили

и про-
думала,
я хочу!
ось, хотя
для себе,
должен
овсем не

лосатый человек со зверским выражением лица, очевидно, враг. От неожиданности я потерял сознание.

В перерыве меня согнали с места.

— Здесь будет притон, — объяснила мне строгая билетерша.

се. Она
меня. В
ой блон-
нения, па-
ул:

вас не
молодой

ал, что я
ождает по
ты удо-
вал всех
ся меня.

Ларисой
назвала
ише мы

в эстра-
ида там
Ларису,
ило там

Там, по-
не будут
Там не
я мукой.

едине со
мысля-
упил би-
д и взял
нокль на

пьеса о
Посре-
ревянная
о матро-
ней. В
со сцены

рев над
о надо
иный во-

Испуганный, я укрылся за колонну. И тут-то случилось самое страшное. Как только в зале погас свет, с лестницы прямо на меня сорвался матрос и начал меня душить.

— А-а, гидра! — кричал он. — Вот где ты!

— Не трожь галстук... Галстук не трожь, — умолял я.

— Не мешай играть! — прошептал он. — Потерпи, сейчас я тебе дам в морду...

Теперь я сижу у телевизора. Он у меня хороший, телевизор. Он смиренный. Он не ругается, не хихикает и не наносит мне никаких увечий. Просто и по-дружески он показывает мне: концерт так концерт, пьесу так пьесу.

И, сидя так, я вспоминаю милые, уже невозвратимые времена, когда все было на своих местах. Когда актеры играли себе на сцене, а мы сидели себе в зале. И никто не боялся. Когда Гамлет, принц датский, в порядке непосредственного общения не рвал с вас галстук. Когда король Лир, этот воспитанный старичок, переживал себе сам и не тыкал в вас пальцем. Когда Отелло душил Дездемону, а не вашу знакомую девушку. Я вспоминаю те времена, и слезы сами начинают капать из глаз...

Но вы не обращайтесь внимания. Это просто от нервов.

Вынырнув из табачного дыма, управляющий трестом решительно сказал:

— Хватит с нас совещаний. Довольно тратить попусту рабочее да и нерабочее время. Будем решать вопросы оперативно, по-деловому. Кто за? Против? Принято единогласно!

На радостях сразу организовали культпоход. Вместо проклятого совещания пошли в театр. В оперу. Во главе с самим управляющим. Чинно сели на свои места и замерли в ожидании таинства.

Заиграла музыка. Поднялся занавес. На сцене тотчас началось совещание.

Артист, талантливо загримированный под председательствующего, проникновенно спел лирическим тенором:

— Пове-е-стка дня-я...

А где-то сзади хор бодро и дружно грянул: «Слушали — постановили! Слушали — постановили!»

Управляющий трестом почесал затылок, заглянул в программку и ужаснулся. Там было написано:

«Действующие лица:

Председатель собрания — засл. арт. респ. Верхне-Дунайский.

Члены президиума собрания — засл. деятели автономной обл. Бобченко, Добченко и Лифшиц.

Счетная комиссия: учащиеся оперной студии».

Управляющий потихоньку поднялся и, пробравшись к выходу, спросил встрепенувшегося билетера:

— Принимать резолюцию скоро будут?

— За основу?

— Хотя бы.

— Вторая картина. В целом — третья, после антракта.

— Так. Ну, а считать голоса?

— Чего там считать! У нас в театре настоящих голосов раз, два — и обчелся.

— Я говорю о голосовании по ходу оперного собрания.

— А! Это, дорогой товарищ, финал. Перед самым что ни на есть гардеробом. Как урну под перезвон колокольчиков внесут на сцену, так считай, дело к концу идет.

В антракте управляющий сказал грустным подчиненным:

— Не унывать! Пошли в кино. Только выбрать надо название поинтереснее. Вот, например, фильм «Погоня».

Фильм действительно захватывал с первой минуты.

Человек мужественно гнался за уходящим трамваем. Не успевал.

Гнался за троллейбусом. Успевал, но в последний момент падал. Лежа, он вспоминал свою жизнь.

Затем вскакивал в свободное такси, но не успевал до конца первой серии уговорить несознательного водителя подвезти его.

Во второй серии появлялся самый лучший в мире вертолет. Под звуки звездного марша герой фильма опускался прямо на крышу и через красиво обставленный чердак попадал в зал к столу президиума.

Оказывается, он так торопился потому, что должен был председательствовать на вот-вот открывающемся важном заседании.

В финале фильма звучат слова диктора:

— Мы рассказали вам простую историю о простом председателе рядового собрания. Он не сделал ничего особенного. На его месте так поступил бы каждый. Если скажут «надо», он успеет сегодня же еще на одно собрание!

— Это верно, — согласились работники треста. — Можно успеть и на десять совещаний в день! Но как от них отдохнуть?

— Знаете что, — предложил управляющий, — пойдемте на стадион! Уж там-то...

А там, между прочим, шло очередное заседание членов клуба любителей футбола. И прения были в самом разгаре...

Могут сказать, что юмореска несколько устарела. Что, дескать, для наших спектаклей и фильмов уже не характерны многочисленные совещания. Возможно, возможно...

Все дело в том, что я написал эту юмореску давно и никак не мог напечатать. Редактор, который должен был ее прочитать, все время пропадает на заседаниях.

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

НЕ КУПИШЬ!

— Меня! — вздрогнул гармонист. — Ищут. Надсмеяться хотят. Бабка! Выйди, скажи, нету.

Бабка пошла на крыльцо. Скоро она вернулась и кликнула:

— Паренек! Куда это ты забрался? В подпечье! Ты иди, тебя общество зовет. Как это: областная филармония? Они в концерте отказали, уехали, все десять. В зал вышли и говорят: «Тут на сколько рублей народу? На сто пятьдесят? Не пойдет дело. У нас концерт триста стоит: мы классику играем». Так и уехали. Ты иди, Троша. Общество тебе кланяется. Сказывали, вовек не будут смеяться над тобой. Пусть, мол, играет вечерку как может, а то классика дорога.

— Ну, разве что... — согласился гармонист.

За окном просительно гудели двести голосов.

А. М.

Точка зрения критика Замудряева.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

В нашем толстом журнале много лет работал собственный редакционный поэт Григорий Григорьевич Заоблачный, именуемый в просторечии Гри-Гри. Стихов Гри-Гри давно уже не писал: он заведовал. В его подчинении был сектор поэзии, состоявший из самого поэта, десяти папок и груды авторских рукописей, которая росла день ото дня.

Жизнь у поэта была горькая.

Каждый день ровно в 11 часов утра Гри-Гри садился за редакционный стол и сочинял ответы иногородним авторам: «Ваши стихи, несомненно, свидетельствуют о вашем таланте, но вместе с тем следует отметить ряд существенных недостатков, делающих невозможным опубликование стихов на страницах нашего журнала».

Ответы надо было сочинять вежливые, такие, чтобы комар носа не подточил, и именно это приводило заведующего сектором поэзии в совершенное бешенство. Ему хотелось ругаться, плевать, а требовалось начинать ответ словами «Дорогой друг» и уж в крайнем случае «Уважаемый товарищ». Иногородние авторы находились в географическом отдалении и свои обиды излагали письменно, с чем еще можно было примириться. Хуже обстояло дело с местными стихотворцами. Их было много, очень много; шли они гужом, устранивая толкучку у дверей и в коридоре. Признанные проходили вне очереди, и каждый из них плыл сквозь толпу, как фрегат сквозь рыбачьи лодки. Вскоре после того, как Признанный вошел в кабинет, оттуда доносился рев: Признанные почему-то любили читать свои стихи вслух.

В такие минуты поэтическая плотва приникала ухом к дверям, набираясь житейского опыта. Иногда Признанный захватывал с собой кого-нибудь из начинающих и, яростно вращая очами, требовательно кричал: «Вот рекомендую: талант, скоро догонит меня, печатайте! Какие рифмы, какие мысли!» На поверку выяснялось, что рифмы жалкие, а мысли вовсе нет, но зато начинающий доводится ходатаю родным племянником, и тут уж Гри-Гри приходилось изворачиваться, чтобы выбраться из тяжелого положения. Иногда кто-либо из Признанных нахально приводил с собой кокетливую даму с модной прической а-ля стог сена и начинал бубнить: «Понимаешь, талант пропадает, надо поддержать». Гри-Гри ехидно смотрел в лицо Признанному, но тени смущения, как правило, не обнаруживал.

Каждый день Гри-Гри по многу раз слышал это сакральное: «Надо поддержать». Одного надо было поддержать потому, что он молод и никогда не печатался, другого — потому, что он древен и первые свои стихи опубликовал еще в царствование Александра III; одного — потому, что он живет в отдаленной области, другого — потому, что живет на соседней даче; одного — потому, что у него знаменитые папа и мама, другого — потому, что он круглый сирота. От всех этих рекомендаций у Гри-Гри трещала голова. Он был человеком романтической складки и потому просто душно считал, что хорошие стихи не нуждаются в рекомендациях. Кроме того, он думал, что для молодого человека, увлекающегося рифмой, вовсе не обязательно числиться в профессиональных поэтах, а лучше учиться, служить или работать на производстве. За все это Гри-Гри называли ретроградом.

Товарищи по редакции сочувствовали заведующему сектором поэзии, но, в свою очередь, терзали его. Только и слышно было: «Советую», «Прошу», «Есть мнение». Каждому хотелось быть покровителем муз и открывать таланты.

Подчас рекомендации носили странный характер. Секретарь редакции, например, подслал однажды к Гри-Гри здорового ребенка, похожего на профессионального борца, и, позвонив по телефону, сказал: «Поэт он плохой, но у него тематика выигрешная».

Гри-Гри опасливо посмотрел на могучие кулаки детины и принял двойную порцию валидола.

Беда Гри-Гри состояла еще и в том, что главный редактор обожал поэтов. Строгий к прозаикам, он совершенно не мог устоять, когда кто-либо, подвывая и закатывая глаза, читал ему стихи. По рождению своему он был сибиряк, и стоило только какому-нибудь ловкачу употребить в стихотворении слова «Байкал», «тайга» или «кедр», как редактор немедленно накладывал на рукопись резолюцию: «В набор».

Гри-Гри пожимал плечами и ворчал под нос, но ослушиваться не осмеливался: был он человеком болезненным и не мог ввязываться в утомительные дискуссии.

КОНЕЦ ГРИ-ГРИ

РАССКАЗ

Редактор слыл добряком, а Гри-Гри — злодеем. Поэты, отвергнутые Гри-Гри, шли валом к редактору и, несмотря на энергичное сопротивление бледнолицей секретарши, проникали в кабинет.

— Разберусь, — клялся редактор, — разберусь обязательно!

Потом вызывал Гри-Гри и отчитывал его:

— Надо уважать авторов, надо любить таланты.

— Я люблю журнал, — горячился Гри-Гри, — и не могу допустить, чтобы его засорили неграмотными виршами.

— За журнал отвечаю я, — тихо заключал редактор, но в голосе его звучало железо.

...Особенно донимали Гри-Гри графоманы. Решив, что нет ничего легче литературного труда, за стихи взялись люди, имеющие в избытке свободное время. Одни из них входили бойко, разваливались в кресле, швыряли на стол испитую вдоль и поперек школьную тетрадь и наигранным баритоном говорили: «Вот, балуюсь, знаете ли, стихами, познакомьтесь». Другие, напротив, влезали боком, стесненно, тяжело дыша, долго кряхтели, прежде чем начать говорить. С первыми Гри-Гри управлялся быстро, вторых жалел, пускался в длинные разъяснения с ссылками на классиков и на необходимость изучать грамматику.

Многие из них были закалены в борьбе с превратностями судьбы и держались с завидной стойкостью.

— Стихи ваши куда не годятся, — говорил Гри-Гри, смело глядя в глаза собеседнику, — не умеете и не беритесь.

— Держи карман шире! — бодро отвечал автор. — Писал и буду писать, что ты со мной сделаешь?

Графоман уходил, хлопая дверью, и на смену ему немедленно вырастал другой.

Однажды в комнату ворвалась здоровенная тетка, волоча за собой хилого человечка.

— Вот, полюбуйтесь на моего муженька, — сказала она густым басом. — Был муж как муж, трудящийся сантехник. А теперь ни днем, ни ночью покоя нет: все стихи пишет. На службе неприятности, зарабатывает мало, дети ревмя ревут. Объясните вы ему, окаянному, чтоб он бросил это занятие. Пожалейте меня, простую бабу...

Гри-Гри почесал затылок, перелистал тетрадь злосчастного стихотворца и возвратил ее тетке.

— Никуда не годится, не надо вашему мужу писать стихи, — сказал он.

— Спасибо тебе, родненький! — благодарно воскликнула посетительница и радостно уволокла мужа в коридор, откуда раздался ее громоподобный крик:

— Говорила тебе, подлецу, оставь это дело!

Но такие идиллические сцены были редки. Чаще кричали на Гри-Гри.

Пришел как-то почтенный старичок, чистенький, аккуратный, с седой бородкой клинышком, вежливо поклонился и сказал:

— По причине свободного времени, ввиду получаемой пенсии пишу стихи. Не угодно ли, прочту?

— Прочтите, пожалуйста, — ответил Гри-Гри, подчеркивая свое уважение к возрасту посетителя.

Старичок извлек из кармана длинный лист и заверещал козлиным голосом:

Не хвались, Кавказ, горами,
Как красавица грудьями...

— Что?! — вскричал Гри-Гри.

— Неужто плохо? — искренне удивился старичок. — Я могу и перестать. Только, право, странно: мне соседи по квартире говорили... Честь имею кланяться.

Старичок шаркнул ножкой и ушел.

Гри-Гри засмеялся. Ему не часто приходилось смеяться, и потому из соседней комнаты к нему прибежала заведующая отделом критики и беспокойно спросила:

— Вы здоровы?

Вопрос этот, в общем, был кстати: Гри-Гри давно уже чувствовал себя неважно. По ночам его мучили кошмары: снились поэты, которые то наваливались на него с криком «Мала куча!», то возникали бесшумными тенями и всюду совали свои стихи — под подушку, под одеяло и даже в ночные туфли. Гри-Гри орал благим матом, вскакивал в холодном поту и до утра не мог заснуть. Аппетита не было. Когда Гри-Гри скучно жевал в столовой холодную котлету, в его голову лезли дурацкие рифмы: «котлеты — приметы», «макарены — панталоны», «вермишель — коростель».

Окончательно доконал Гри-Гри «сын Льва Толстого». Это был графоман, дошедший до последних пределов умственного изнурения. Он вошел в комнату, стал в позу Наполеона и спросил:

— Вы знаете, кто я?

— Нет, — отвечал Гри-Гри, роясь в бумагах.

— Я сын Льва Толстого. Незаконный.

Гри-Гри на своем веку видал разные виды, но тут и он изумился.

Перед столом стоял высокий человек лет сорока с лихорадочным, испитым лицом и сердито разглядывавший заведующего сектором поэзии.

— Судя по всему, Лев Толстой произвел вас на свет через десять лет после своей смерти, — заметил Гри-Гри.

— Это не имеет значения, — развязно усмехнулся «сын Льва Толстого», — важно, что я талантлив. Весь в отца. Прочтите стихи и вы убедитесь.

— Лев Толстой не любил стихов, — сказал Гри-Гри.

— А я люблю. В этом мое отличие от гениального родителя...

— Уйдите, — сказал Гри-Гри твердо.

— Дайте целковый — и я удалюсь.

Гри-Гри вынул из кармана смятый рубль, предназначенный для обеда, и схватился за сердце.

Через минуту из комнаты Гри-Гри раздалось тоненькое щенячье повизгивание. Вбежавшие увидели Гри-Гри, который, держась за щеки с таким видом, словно у него разом заболели все зубы, раскачивался из стороны в сторону и напевал:

— Чижик-пыжик, где ты был, на Фонтанке водку пил...

Вечером его отправили в больницу.

Эпilog

— Жаль, — сказал главный редактор, когда ему доложили о происшедшем, — мужественный человек наш Заоблачный. А стихами до его выздоровления буду заниматься я сам. Лично.

Это оказалось наиболее опрометчивым решением из всех, какие только принимал в своей жизни редактор. Не прошло и месяца, как графоманы, войдя в помещение редакции стройными рядами, штурмом взяли редакторский кабинет и вынудили редактора спастись неприличным бегством через окно.

**ТАЛАНТЫ
И
ПОКЛОННИКИ**

БАБКА МАТРЕНА И „БРАТЕЦ“ ЛОМАКИН

На окраине города у колодца беседуют две кумы.

— ...Идет, мил моя, наш Петро к соседу и говорит: жену в санаторию отправляю, во как деньги нужны. Выручи, дай сотню. Тот и дай. Пришло время деньги обратно выручать. А Петро и не чешется: какие деньги? Никаких денег я не видал. Тот шумит, я, мол, в суд побегу. А Петро, не будь дурак, беги, говорит. Свидетели у тебя есть? Расписка есть? То-то и оно. Сосед и утерся.

— Хи-хи! Так ему, разяве, и надо. Учить их надо, несознательных... А вот у нас тоже. Врачиха уезжала в отпуск. Приходит к знакомой подружке, притащила шубу в наволочке да часы. Одна, мол, живу. Как бы жулики не утащили. Побереги, будь такая любезная. Вернется из Сочи, а та ей: ничего знать не знаю. Вот тебе и отдохнула! Ни шубы, ни часов. То же без свидетелей, без расписки. Каждый вечер чай вместе распивали.

— Ах-ха-ха! Вот дуреха! Да, мил моя, а про бабушку Матрену слыхала? Вот уж кого облапошили!

— И правильно проучили! Говорится же: не ходи разувши...

Пока две кумы беседуют у колодца, а бедствовать они будут очень долго, у нас есть время рассказать подробнее о том, как бабушку Матрену проучили и облапошили.

Матрена Дмитриевна Педорьяченко жила в Краснодаре, на улице Седина, 17, в квартире № 7, с незапамятных времен. Вошла в этот дом молодая, а теперь ей без малого восемьдесят. Жила одна. Были у нее и муж и сын, да сложили головы на фронте.

Пришел к ней как-то Моисей Ломакин. Стал жаловаться на свою бесприютность:

— С жильем плохо, Матренушка. С женой горе мыкаем, голову приклонить негде.

Бабушка Матрена сказала просто:

— А вы у меня поселяйтесь. Не хоромы, а все же две комнаты. И мне веселее.

(«Веселья бабке захотелось,— доносятся комментарии двух кумушек, стоящих у колодца,— вот и получил. Поделом ей! Не строй из себя благодетельницу!»)

А бабушка Матрена продолжала свое.

Пришел к ней племянник, инвалид. И тоже стал плакаться, что у него с квартирой плохо-ваго.

Бабушка Матрена подумала. К себе пустить— некуда. Уже Ломакин с женой живет. Но нельзя же родному человеку не помочь. И она, пустив в ход все свои скромные сбережения, урезав от небогатой пенсии, купила для племянника в станице Выселки половину саманной халупы.

(«Хи-хи! — смеются кумушки у колодца.— Осчастливила! В этой развалюшке племянник недолго хозяйствовал. Женился и ушел к жене, а халупу бросил!»)

Действительно, «дворец» в Выселках для жилья мало был подходящ. Ветхий, от ветра валится. Крыша течет, двери скосбочились. Кому такая радость нужна? Давала ее бабушка племяннице Кате, но и Катя отказалась. И стоит бабушкина вила, потихоньку доразваливается.

А время идет. Ломакин овдовел, женился вдругорядь. Молодая жена немножко пожила и удивилась:

— За что его уволили?
— Наприказничал.

Рисунок С. КУЗЬМИНА

— К чему тут еще бабка? И без нее неплохо. Третий, как говорят, лишний.

— А куда ее девать? — осведомился муж.

— Как куда? Пусть в Выселки едет. Там у нее домовладение...

Ломакину мысль понравилась. Но он сообразил, что тут нужна официальная помощь. Помощники нашлись. Председатель домкома Стояновский и домоуправ Шмагун вместе с Ломакиным состряпали дело о выселении «домовладелицы» Матрены Педорьяченко.

Дело слушалось в нарсуде Октябрьского района Краснодара. Судья Гудимов, видимо, прямой потомок древнего Шемяки, решил, как орех разгрыз: бабушку выселить, пусть едет в Выселки, где у нее шикарный особняк. А квартиру передать в ведение ОКХ. Бабушка была так ошеломлена, что могла только плакать и взывать к чьей-то совести.

Старушку с вещами выбросили на улицу. Правда, вещичкам место нашлось: их сложили в сарае домоуправления, а старушка пошла «в люди» искать заступы и ночлега.

Ломакин, выиграв судебное дело, бурно ликовал. На радостные клики пришли Стоянов-

ский и Шмагун. Они несколько охладили его восторг:

— Вот что, друг ситцевый. Мы на бабушку дело стряпали не из-за твоих прекрасных глаз. Тут и наша выгода должна быть.

— Какая? — спросили супруги Ломакины.

— А вот какая. Бабка, ежели найдет ходатая попроворней, добьется отмены решения. И тогда тебе уж здесь не жить. А лучше сам уходи. Не бойся, на улице, как бабу, не выбросим. Эту квартиру ты обменяешь на комнату, где живет счетовод нашего домоуправления Анисимова. Она, правда, одиночка, но любит простор.

Обмен был произведен скоростным методом. В бабушкиной квартире воцарилась Анисимова. В анисимовской комнате поселилась чета Ломакиных.

Время с тех пор идет да идет. Многое в Краснодаре изменилось. Судья Гудимов освобожден «по соб. желанию».

Домоуправ Шмагун снят с работы.

Стояновского общественность сместила с поста председателя домкома, выяснив, что он перед тем, как занять этот пост, отсидел 10 лет за взятки.

Ломакин овдовел вторично. Вещички бабушки Матрены в сыром сарае превратились в труху.

А что она сама? Где обитает?

(Разговор у колодца: «Вон бабка Матрена идет. Куда это она? Да никак под ломакинское окно! Слышь, кума? Может, образумилась да будет стекла бить?»)

Бабушка Матрена подходит к дому, где проживает Ломакин, стучит.

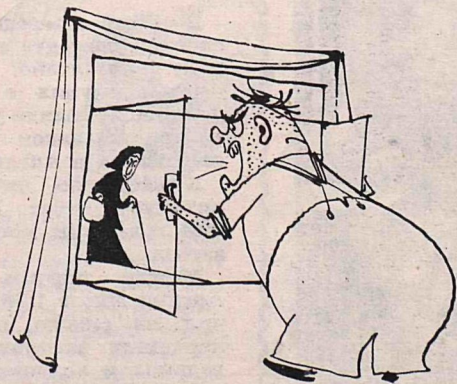
— Чего надо? — раздается грубый голос.

— Братец! Не пустишь ли переночевать?

— Иди, иди! — рычит «братец».— Ходят тут.

Собственно говоря, зачем мы взяли слово «братец» в кавычки? Совсем ни к чему. Моисей Дмитриевич Ломакин — родной брат Матрены Дмитриевны Педорьяченко, урожденной Ломакиной. Настоящий брат. Без кавычек. И без совести.

А. БЛЕХ,
Е. ЦУГУЛИЕВА

П Р И С П О С О Б Л Е Н Ц Ы

Торговый дом «Всевышний и К^о» трепещет в страхе перед банкротством. Обещания райского блаженства — товар, который фирма спекулировала две тысячи лет, окончательно выходит из моды. Конечно, есть еще и детски доверчивые души, попадаются и мрачные фанатики, готовые принести себя в жертву господу, но это отборное воинство христово слишком мало численно, чтобы спасти церковь от краха.

В глазах большинства церковные заповеди и догмы безнадежно скомпрометированы. Не убий? Но папа Пий XII потакал Гитлеру, а кардинал Spellman лобызается с рваншистом Аденауэром. Не укради? Но церковь благословляет самые жутьнические формы бизнеса. Не прелюбодействуй? Но разнузданная сексуальность захлестывает литера-

туру и искусство Запада, пропитывает повседневную жизнь. Церковники понимают, что в такой ситуации вопить о геенне огненной, которая ждет грешников, бесполезно и невыгодно. Никого не напугаешь да еще растеряешь доходы. И вот, подобрав рясу, клерикалы бросились вдогонку за грешниками. Не для того, чтобы осудить, а чтобы прикинуть. «Куда вы? — кричат церковники убывающей пастве. — Вы ищете обезьяньих танцев и развратных зрелищ? Боже мой! Идите к нам. У нас вы получите искомое, не отходя от алтаря!» В общем, приспособляются как могут.

Сегодня мы рассказываем о напряженных буднях приспособленцев во Христе.

Г О С П О Д И

«Вы торгуете — следовательно, вы молитесь»

КРЕСТОМ И КУЛАКОМ

Техника общения с господом богом никогда не стояла на месте. Стоило появиться деловым людям, для которых время — деньги, как оказалось, что можно исповедоваться по телефону. Дороги запрудили автомобили — церковь была тут как тут: организовала придорожные храмы, где вы можете побеседовать со всевышним, не выходя из «бьюика».

В самое последнее время чикагский священник отец Бенедикт Дональд могучим интеллектуальным усилием двинул технику общения с господом еще дальше. Молитва, рассуждал он, даже в сокращенно-телеграфном стиле все-таки требует времени. А времени бизнесмену часто не хватает. Молитва отрывает его от дел. Получается конфликт между производительностью труда и религиозным порывом.

Отец Дональд спросил себя: что в первую очередь должен делать хороший христианин? И ответил: нести свой земной крест без ропота. Именно этим и подтверждается его преданность вере. А если крест финансиста — делание денег, то чем больше он их делает, тем больше, следовательно, он доказывает свою религиозность. А если он генерал, то должен для доказательства веры разжигать войну, например, в Южном Вьетнаме.

Доктрина отца Дональда выглядит так: «Твердое решение, принятое убежденным христианином в области деловой или политической, одновременно является своего рода молитвой».

Очень удобная доктрина!

В Париже, в театре «Атене», идет пьеса «Винарий». При полном аншлаге. Билеты достать практически невозможно. А актеров, тем не менее, регулярно бьют. Палками. Ручками от кресел. И даже ногами. Дирекция театра вынуждена нанять специальных людей для защиты актеров от нападения... попов.

Уж очень эта пьеса им ненавистна. Речь в «Винарии», пьесе немецкого автора Рольфа Хохнута, идет о преступных контактах почившего в бозе римского папы Пия XII с германскими нацистами. Пьеса приговора и неудобному позорному столбу служителей святой римско-католической церкви, которые потакали зверствам фашистских палачей.

«Винарий» прошел страдальческий крестный путь по Европе. Пьеса вызвала ужасный скандал в Западной Германии, многолюдную католическую демонстрацию на улицах Базеля и подверглась запрету в Италии.

Рольф Хохнут воочию убедился

в том, что говорить правду в условиях капиталистической Европы — это, так сказать, не сахар. Против прогрессивной пьесы ополчилось все международное католичество, и, наконец, современный крестовый поход вылился в дикие выходы на просцениуме.

С криками «Да здравствует папа!» католики помолоче бросаются на сцену, в то время как более пожилые астматические отцы церкви из партера и лож бенуара крестным знаменем осеняют балтию. Парижский кардинал Фельтэн по поводу «проншествия» в театре «Атене» заявил: «Когда разговор касается столь великого (!) папы, каким был Пий XII, честный (!) человек может только протестовать против легкомысленных карикатур вроде пьесы «Винарий».

Хорошенькое «легкомыслие!» Как же назвать в таком случае поведение католической церкви, благословившей убийство миллионов ни в чем не повинных людей? Нет уж, кание жалкие слова ни лепечи святая церковь, все ее аргументы выглядят слабавато. Поэтому-то попы и лезут на сцену бить актеров...

И ПЛЯСКАМИ И ЛАСКАМИ

«Проповедник в клоунском трико», — так называют в Нью-Йорке преподобного Билла Гленеска, священника пресвитерианской церкви в Бруклине.

«Что такое церковь? — рассуждает Гленеск. — В конце концов это такой же зрелищный бизнес, как цирк, театр или мюзик-холл. Прихожанин — это тот же зритель. За свои пожертвования он хочет получить удовольствие. Меньше прихожан — меньше денег церкви. Значит, надо любыми способами — и ласками и плясками — завлечь верующего».

И предприимчивый поп взялся за дело.

Отныне богослужения сопровождаются балетными номерами с участием танцовщиков и танцовщиц из нью-йоркских театров. Солистом выступает сам преподобный, облаченный в трико, туго обтягивающее его далеко не божественные ляжки. А недавно затятили целое действо. Был дан балет «Лестница св. Иоанна». На амвоне стояла лестница — символ связи между землей и небом. По лестнице вверх и вниз сновали смазливые ангелы в нейлоновых пачках. Сам преподобный кружил на пуантах и быстрой ножкой ножку бил.

В поисках популярности среди верующих масс преподобный Билл Гленеск не ограничился постановкой балетных спентаклей. На этом фото вы видите Билла во время проповеди. В руках у него книга. Не подумайте, что это свод божественных откровений. Нет, совсем наоборот. Это «Фанни Хилл» — история лондонской проститутки, книга настолько непристойная, что суд штата Нью-Йорк специальным постановлением запретил ее продажу. А это что-нибудь да значит! Но святой отец Гленеск тем не менее решил во что бы то ни стало познакомиться прихожан с похождениями гулящей Фанни. Пусть просматриваются во славу господи! Посмотрите, как в божественном экстазе поп рекламирует порнографию.

КОММЕРЧЕСКАЯ НИРВАНА

Буддийские монахи в одной из стран Юго-Восточной Азии решили подзаработать на владельцах кинотеатров. Явившись к ним, они предложили свое покровительство, за известную мзду, разумеется.

— А от кого, простите, вы будете защищать нас? — испуганно спросили владельцы кинотеатров.

— Как от кого? — ответили монахи. — От нас же. Религией нам запрещено ходить в кино. А Бриджит Бардо не дает нам покоя. Очень, знаете, хочется посмотреть на ее плечи. К Бардо тянет, а Будда оттягивает. Будда велит пребывать не в кино, а в нирване,

то бишь в безмятежном состоянии высшего спокойствия. И чтобы ничто не грозило нирване, нам придется пойти в кинотеатры, изломать мебель, изрезать экран, исковеркать проекционные аппараты. А можно и не делать этого... В том, конечно, случае, если вы будете платить нам за защиту вас от нас же самих. Дьявол силен. Чтобы бороться с соблазнами, нужны деньги...

НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ — ВЕДЬМЫ

В отчете о заседании британского парламента черным по белому напечатано: «Джон Керранс выступил с заявлением, что правительство должно срочно принять закон о запрещении колдовства в Англии».

К сведению читателей: мы цитируем отчет 1964-го, а не 1664 года, как могло бы показаться.

Между прочим, парламент Англии еще в 1736 году исключил из списка преступлений, караемых законом, статью «О ведьмах и колдовстве». Но, видимо, это было сделано слишком преждевременно...

Т В И С Т ВО СЛАВУ ГОСПОДА

Священнику из Колчестера (Англия) 68 лет. Но невзирая на годы и сан, он решил заменить ударника в джазе и, как видите, во славу божию лихо стучит на барабанах. Если молодежь предпочитает церкви твист, то церковь предпочитает сама «рубать» твист, лишь бы привлечь к себе молодежь.

Евангелие под псевдонимом

Нетрудно представить себе разочарование американца, который, купив книжку в игриво раскрашенной обложке да еще с многообещающим названием «Для современного мужчины», убеждается, что это не что иное, как... Евангелие. Дело в том, что Американское библейское общество, встревоженное все растущим равнодушием американской публики к священному писанию, решило придать книгам священного писания заманчивый, игровой вид.

Своя своих познаша

Когда канцлер Аденауэр уходил в отставку, небезызвестный американский кардинал Spellman, столп антикоммунизма, почтил его восторженным похвальным словом. «Мы должны быть благодарны богу,— сказал Spellman,— за то, что он в милости своей даровал нам Конрада Аденауэра». Превозносил до небес заслуги канцлера, Spellman назвал Аденауэра «подлинно христианским государственным деятелем».

Вопреки священному писанию, утверждающему, что своя своих не познаша, «духовные свояки» — Spellman и Аденауэр — друг друга знают и друг друга стоят.

МАМА, ПАПА, РЕБЕНОК И ИЕГОВА

Это было в Вашингтоне в XX веке.

Миссис Джеймс Л. Джонс умирала от внутреннего кровотечения. Она лежала на больничной койке, желтая и суровая. Халаты врачей уходили ввысь, как снежные вершины.

— Будем делать переливание крови.

— Нет,— сказала больная.— Он не позволит. Он очень строгий.

Тогда вызвали его — мужа. Мистер Джонс замахал руками.

— Переливание? Нет, нет. Он этого не любит.

Врачи переглянулись. Кто он?

— Иегова,— объяснил мистер Джонс.— Мы с женой — члены секты «Свидетелей Иеговы».

— Больная, вам двадцать пять лет. У вас вся жизнь впереди. И потом у вас ребенок. Неужели вы хотите оставить его сиротой?

— Значит, так угодно Иегове,— ответила больная.— Переливание — сатанинская затея, а вы его слуги.

Тогда врачи послали за судьей. Благо апелляционный суд США находился неподалеку от госпиталя.

Пришел судья Скелли Райт и рассудил, что, поскольку

а) самоубийство является незаконным деянием,

б) а оставление родителями детей — преступлением,

выносится постановление: сделать переливание крови в принудительном порядке.

Приговор был немедленно приведен в исполнение.

«Слуги сатаны» поставили «свидетельницу Иеговы» на ноги. Вскоре, поправившаяся и порозовевшая, она упругим шагом вышла из больницы, в хорошем темпе прошла дистанцию до подъезда апелляционного суда и вручила жалобу на судью Райта, который помешал ей отправиться на randevu с Иеговой.

Апелляционный суд США сочувственно отнесся к ее жалобе. Суд не увидел ничего дурного в том, что религиозная фанатичка готова была пожертвовать своей жизнью и счастьем ребенка для ублажения бога-людоеда. Суд счел, что коллега Райт превысил свои полномочия, не дав миссис Джонс умереть во славу Иеговы, как ей того хотелось. Но поскольку выкачать кровь обратно не представляется возможным, дело все же объявили закрытым.

— Ну, это мы еще посмотрим,— сказала молодая мать и упругим шагом направилась в Верховный суд. Нельзя же в самом деле заставлять милого, доброго Иегову ждать...

Это было в столице Америки в XX веке, если хотите точнее — в феврале 1964 года.

Первый католический миссионер, высадившийся на африканский берег, выглядел вполне прилично: черная сутана, башмаки, в одной руке — медный крест, в другой — библия.

Это было еще тогда, когда твист плясали только вокруг костра. Давно, в общем.

Если б тому первому святому отцу пришлось лицезреть своих сегодняшних собратьев, он наверняка впал бы в смятение.

Сегодня благочестивые европейские пастыри норовят незаметно вписаться в африканский пейзаж. Они заменили многотрубный орган африканским барабаном. Нацепив набедренные повязки, они лихо наяривают в тамтамы и тархтят кастаньятами — созывают, стало быть,

ПОД ГРОХОТ ТАМТАМОВ

прихожан на мессу. Заповеди закона божьего нынешние рыцари католицизма внедряют тоже не шибко цивилизованным способом: выводят их бамбуковыми палочками на песок и заставляют учеников хором разучивать. И, заметьте, не по-латыни разучивать, а на их родном языке.

Короче говоря, миссионер нын-

НЕНАГЛЯДНОЕ ПОСОБИЕ

Священник Митчелл, настоятель церкви св. Филиппа в пригороде Лондона, понял, что абстрактные осуждения греха приелись прихожанам до чертиков. А что, если показать им блудницу в натуральную величину, казнить зло, так сказать, на конкретном материале?

На роль наглядного пособия была приглашена миссис Клер Шоу Ринг, молодая супруга местного

архитектора. Облечившись в одежды, подчеркивавшие ее скульптурные прелести, Клер продемонстрировала прихожанам, чего им следует опасаться как огня. Отец Митчелл давал пояснения. Проповедь прошла с гигантским успехом. Прихожане с нетерпением ожидают, когда отец Митчелл начнет кознить стриптиз. С наглядными пособиями, разумеется...

цах». Что-то не хотят африканцы делиться с миссионерами кокосовым орехом. Может быть, потому, что им по горькому опыту известно: сегодня — орех, завтра — ананас, а послезавтра — золото, олово, уран... Нет, лучше уж отослать вкрадчивых пастырей с их трогательными тамтамами и кастаньятами подальше!

Куда подальше? Да хотя бы туда, откуда они прибыли.

И неизбежное переселение католических подвижников уже началось. Недавно правительство Судана, например, провело неплохую эвакуацию под девизом «Миссионеры, гоу хоум!». Триста провокаторов и разведчиков в рясах под аккомпанемент тамтамов были оперативно выдворены в Европу...

ОТМЫЧКА С ПЕЧАТАМИ

Все могли достать «коммерческие посредники». Приходили они к какому-нибудь щедрому на колхозный или государственный счет руководителю и с порога весело вопрошали:

— Гвозди нужны? Пожалуйста, дорогой, достану. Выписывай командировку...

— Фанера требуется? Пожалуйста! Выписывай командировку!..

— Запчасти хочешь? Командировку, деньги, да побольше...

И давали, и выписывали, и благословляли... Даже когда в роли «коммерческих посредников» выступали бывшие уголовники и проходимцы. Обо всех этих грязных делишках Крокодил поведал читателям в фельетоне «Отмычка с печатями» (№ 18 за 1963 год).

На днях редакцией получен ответ из Прокуратуры СССР: «За выдачу коммерческим посредникам командировок и денежных средств, а также за хищение государственного и общественного имущества к уголовной ответственности привлечены: директор Самаркандского облпотребсоюза Мухитдинов, директор Пайарыкского промкомбината Хавасов и бывший заместитель председателя колхоза, а в последнее время — директор совхоза «Бахмач» Абдукадиров. Отстранен от занимаемой должности и уже осужден руководитель Самаркандского пожарного общества Рахманов».

Не остались безнаказанными чечесур добрые распорядители кредитов и в Казахстане. «Министерство производства и заготовок сельхозпродуктов привлекло к дисциплинарной ответственности директоров совхозов: «Калининский», «Рославльский», «Джетыгенский», — а также главных бухгалтеров этих совхозов. Заместитель директора совхоза «Джетыгенский» Работягов от занимаемой должности освобожден».

Хороший охлаждающий душ! И не только для упомянутых в фельетоне руководителей. Как стало Крокодилу известно из писем читателей, уголовные фигуры «коммерческих посредников» снова замаячили в некоторых областях Казахстана и в Краснодарском крае.

— Гвозди нужны? Выписывай, дорогой, командировку! Давай денег!

Очень хотелось бы Крокодилу, чтобы неустойчивые «дорогие», прежде чем открывать кассу, вспомнили приведенный выше ответ Прокуратуры СССР. Говорят, подобные воспоминания здорово излечивают!

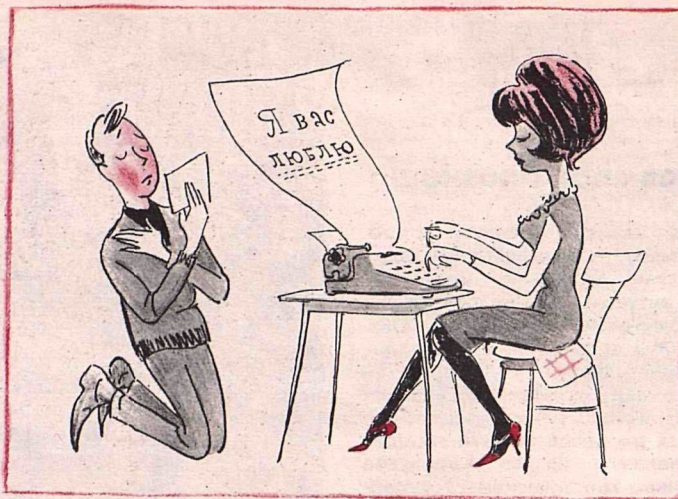
ЭСТЕТИКА КАК ТАКОВАЯ...

Фельетон «Эстетику мы не проходили» (Крокодил № 33 за прошлый год), как и следовало ожидать, вызвал многочисленные отклики читателей. Большинство согласно с Крокодилом: в эстетическом воспитании учащихся у нас имеются еще солидные огрехи. Пора принимать какие-то меры.

Были, однако, читатели, которым фельетон не понравился. «Программы в школах и так перенасыщены, — пишет читатель С. Митюгин из Пензы. — Что же требует автор фельетона: сократить математику? Вместо нее изучать Флобера? Надуманную тему поднял журнал...»

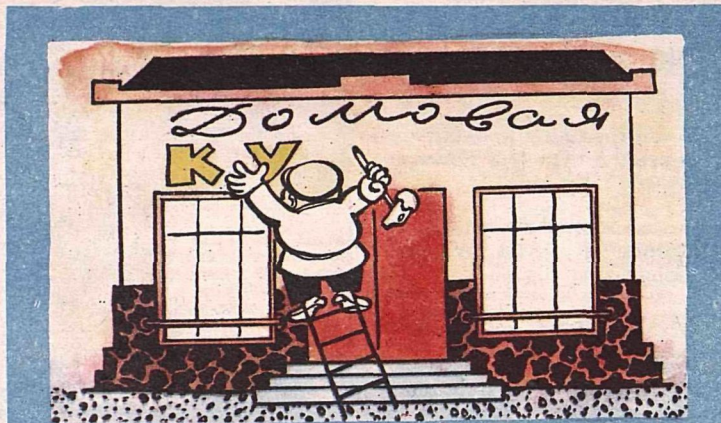
Мы не можем согласиться с т. С. Митюгиным. Мы, разумеется, и за математику и за другие предметы. Но ведь эстетическое воспитание... Впрочем, не будем вступать в спор; приведем лучше ответ Президиума Академии педагогических наук РСФСР: «В фельетоне правильно отражены недостатки в работе школ по эстетическому воспитанию. Академией подготовлены проекты новых программ по литературе, пению и рисованию. Расширен курс русской дооктябрьской, зарубежной и советской литературы. Подготовлены новые учебники по пению и рисованию. Разрабатываются усовершенствованные программы для внеклассных художественных занятий: литературных, хоровых, музыкальных, театральных, хореографических».

В апреле Президиум академии на специальном заседании обсудит примерную программу эстетического воспитания учащихся в школе».

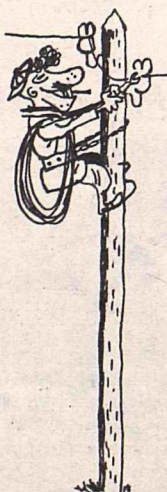
Весенняя диктовка.

Рисунок М. БИТНОГО

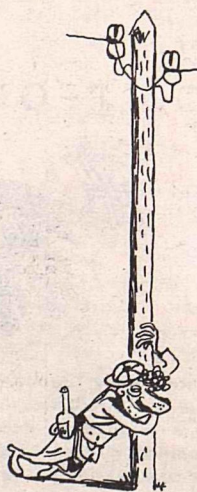

Случай в одном микрорайоне.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

На работе...

и после.

Рисунок А. ВАСИЛЕНКО

КУЗЬКИН, УНТЕРОВА И ДРУГИЕ

Немало читателей откликнулось на пятый — специальный семейный — номер журнала. Одни по праву возмущаются поступками «героя» фельетона «Как я ловил мешаннина», другие пишут, что им понравились рисунки В. Горяева и В. Чижинова, и предлагают новые темы для журнала, третьи делают по номеру критические замечания. Крокодил благодарит за внимание к его работе всех приславших отклики.

Но кое-кто не понял пародии, напечатанной в конце пятого номера. Подумал, что С. Унтерова, Кузькин, К. Незабудко, высказывающие довольно парадоксальные мысли о литературных произведениях, одежде учителя и т. д., — реально существующие люди. В. Овчаров (г. Ленинград), С. Северный (г. Новосибирск), М. Абросимов (г. Полтава), например, с возмущением пишут, зачем это потребовалось Крокодилу пускать на свои страницы Кузькина и Унтерову, полемизируют с ними.

Но это же... Впрочем, разрешите в качестве ответа привести письмо читателя С. Малова из г. Горького: «Правильно ты сделал, Крокодил, что высмеял некоторые статьи о школе и учителях, появляющиеся иногда в наших газетах, всю их приторную умиленность и ханжество. Только на твоём месте я сделал бы эти пародии гораздо злее».

Жаль, что некоторые авторы откликов не поняли, что «Родитель и учитель» — это пародия, «забавная переделка, смешное подражание, перелицовка, представление наизнанку», как определяет этот жанр в «Толковом словаре» Владимир Даль.

С ПЕЧАТНОГО СТАНКА

В № 2 Крокодила был опубликован фельетон В. Резникова «С печатного станка». В нем шла речь о том, что книги некоторых издательств подолгу лежат на складах, не находя широкого спроса. В фельетоне ставился вопрос о недопустимости так называемого затоваривания книжной продукции.

Издательство «Московский рабочий» сообщило нам, что «издательство и Москнига, учитывая общие задачи по перестройке книгоиздательского дела, намечают совместные меры по улучшению пропаганды книг, по изучению спроса, с тем чтобы продвинуть в широкие массы нужные, полезные, актуальные книги», а также, чтобы «резко сократить количество нерентабельных изданий, не находящихся широкого спроса, избежать дублирования книг». С этой целью будет пересмотрена практика переиздания и тиражирования книг, улучшена их пропаганда и распространение среди читателей.

В то же время издательство считает, что книга профессора И. Капустина «Как создаются машины», упомянутая в фельетоне, является нужной и полезной, что она пользуется успехом и заслужила положительную оценку читателей.

Редакция Крокодила с этим возражением согласна и считает критику книги И. Капустина «Как создаются машины» несправедливой.

СЦЕНКИ УЦЕНКИ

Любопытные были эти сценки. Очень уж любили уценять по каждому поводу, а часто и без повода товары в магазинах Днепропетровска. О «Сценках уценки» рассказывалось в Крокодиле № 21 за прошлый год.

Как сообщил редакции заместитель министра торговли Украины тов. Маликов, «нарушения установленного порядка уценки в Гортекстильшвейторге, Днепропетровском универсаме и 1-м Горпромторге действительно имели место».

На старшего товароведа Гортекстильшвейторга т. Толубенского и на заведующего текстильно-швейным отделом Днепропетровского универмага т. Кравченко наложены строгие административные взыскания, директору 1-го Горпромторга т. Нестеренко и бухгалтеру т. Довгаль приказом по облуправлению торговли объявлены строгие выговоры».

Жгучая месть

Журналист Артюхин пошутил с огнем. В своей родной ялуторовской газете «Ленинский путь» он напечатал фельетон о начальнике городской пожарной охраны Сулейманове, о том, как тот ездил в лес по орехи на казенной машине.

Прочитав столь дерзкие строки о себе, начальник пожарной охраны явился в редакцию.

— Чтобы послезавтра же, — приказал он журналистам, — послезавтра же чтобы было опровержение, а не то всем задам на орехи!

И ушел, стукнув дверь.

В редакции к угрозе отнеслись легкомысленно и опровержения не напечатали.

И тогда в обещанный срок в помещение редакции примаршировало отделение пожарных и замуравило все печки.

Дело нешуточное. Лютый сибирский дедмороз сейчас же продул комнаты и установил в них собачий холод. Целую неделю ялуторовская общественность уговаривала мстительных пожарных. Однако обиженный начальник не послушался даже горсовета и печек не размуровал.

Только вмешательство Тюменского обкома спасло газетчиков от неминуемого вымерзания: печки открыли.

Журналисты отделались насморками; главный же виновник Сулейманов тоже отделался: его чуть-чуть пожурили. Очень уж зима была в Ялуторовске суровая, и отцы города побаивались попасть к Сулейманову в немилость.

Е. М.

ФИНАНСОВАЯ ДИСЦИПЛИНА

Царю зверей
В зверинце на обед
Вдруг принесли не мясо,
А бананы:
Зверинец израсходовал бюджет —
Льва сунули на должность
Обезьяны!

Николай КНЯЗЕВ

ОГАРАЖИВАЮТ

Рисунок Е. МИГУНОВА

ФИОЛЕТОВАЯ МЕДАЛЬ

Н. ОКАУТ,

спортивный комментатор Крокодила

Как-то раз перед толпою соплеменных гор у Казбена с Шат-горою был великий спор. Имеется стенограмма этого спора, составленная четырехсторонним хореем.

Надо отдать должное Шату: он в общих чертах правильно обрисовал будущее Казбена. Не дымящие кельи — альпинистские лагеря «модерн» с центральным отоплением и другими приятностями построены на уступах гордцеца.

Что же касается самого Эльбруса, помянутого в стихотворении под именем Шата, то и его давно оседлали спортсмены.

Горы любят отважных. Горовосходители втыкают альпенштоки в макушки труднодоступных вершин, кричат и покоряют пространства. Им хорошо! Про них писали стихи Симонов и Тихонов!

Но никто не писал стихов про горнолыжников. Им нечем подкрепить свои требования. Им худо и бедно. И если наши олимпийцы едут домой с грузом золотых, серебряных и бронзовых медалей, то горнолыжники привозят только фиолетовые медали. Они ходят безутешные, шепча бледными губами утешительный афоризм: «Синяки — лучшие медали, которыми награждает нас жизнь».

Жизнь щедро награждает наших горнолыжников и их не очень легких на подъем организаторов, но мало учит. На олимпийских играх падали? В ворота не попадали? Случалось! А кто виноват?

Как-то раз перед толпою соплеменных гор у Терскола с Чимбулаком был великий спор. Этот

спор зафиксирован не хореем и не ямбом. Об этом есть протокол.

Где лучше строить горнолыжные станции? «И здесь и там!» — убеждал один протокол. «И там и здесь!» — отзывался другой. За протоколами пошли постановления и ассигнования.

— Берегись, — сказал Терсколу гордый Чимбулак, — покорился человеку ты зазря, нунак! Он настроят горные станции, канатные дороги, проложит горнолыжные трассы. Посмотри на этих строителей, у них решительные глаза, как у парашютистов!

— Не боюсь! — хамски сказал Терскол. И правда. Сначала строители притянули к ответу Чимбулак. В Заилийском Алатау возвели канатную дорогу. С креслами и видом на горы. Сделали бунсировочную дорогу. Подниматься ввысь одно удовольствие.

На этом удовольствие кончилось. Начались мытарства. Нужно было иметь очень закаленные нервы, чтобы приезжать сюда на соревнования. Негде было: а) отдохнуть, б) согреться, в) переочевать. Три здания, возведенные в свое время для целей а), б) и в), развалились, исчезли, приказали долго жить.

Сейчас идет резкий поэтический спор, где родилась знаменитая альпинистская песня

«Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет» — у подножия уютного Терскола или возле Чимбулака?

Вытрите губы, спорщики. Песня родилась сразу и там и тут. Ее горланили лыжники на предолимпийских тренировках в Терсколе. Ею отапливали студены дома на лыжной базе. Песня и стрептоцид заменили отсутствие автобуса.

Худо любителям гор. Надежды, рожденные решениями «За дальнейший подъем горнолыжного спуска», порастерялись на ухабистых трассах в Чимбулане и Терсколе.

Безлюдье Цахнадзора, что близ Еревана, срашивает лишь одинокая фигура кандидата, защитившего диссертацию на горнолыжную тему. Бедняга давно написал бы и докторскую, да не хватает фактического материала. В соревнованиях по гигантскому слалому на спартакиаде профсоюзов от Армении участвовала... одна спортсменка. На лыжах она прошла лишь первую половину дистанции.

А как дела в Бакуриани, у царственной Кокты? На трассе имеются все условия для спуска. А для подъема? Дряхлый механизм доставит вас до отметки 1 200 метров. А потом идите пешком. Проваливаясь по колону в снег, вы пройдете столько, еще полторасю, еще четверть столько... Идите не торопясь, стремись сохранить спортивную форму. Остановились? Задумались... Повернули назад...

Скажите, почему у вас вдруг пропало желание заниматься горнолыжным спортом?

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный пр., 14. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 00684. Изд. № 378. Подписано к печати 30/III. 1964 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 902. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

8 АПР 1964

13997 М
Семьдесят пять научных учреждений ведут селекцию озимой пшеницы. Практические результаты имеет лишь одна треть из них.

(Из газет).

— Что-то всходов маловато. Может, агрегаты нужно прочистить?

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448